

misterium

Великое избавление
Расплата кровью
Школа убийств
Месть под расчет
Ради Елены
Картина без Иосифа
Прах к праху
В присутствии врага
Обман
Преследование праведного грешника
Предатель памяти
Тайник
Без единого свидетеля
Перед тем, как он ее застрелил
Женщина в красном
Это смертное тело
Верь в мою ложь
Всего одно злое дело
Горькие плоды смерти

misterium

**ЭЛИЗАБЕТ
ДЖОРДЖ**

ГОРЬКИЕ ПЛОДЫ СМЕРТИ

Москва
2016

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д42

Elizabeth George

A BANQUET OF CONSEQUENCES

Copyright © 2015 by Susan Elizabeth George

Иллюстрация на суперобложке *Анатолия Дубовика*

Джордж, Элизабет.

Д42 Горькие плоды смерти / Элизабет Джордж ; [пер. с англ. А. В. Бушуева]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 560 с.

ISBN 978-5-699-87768-3

Сержант Скотланд-Ярда Барбара Хейверс оказалась в немилости у высокого начальства. Однако ее куратор, инспектор Томас Линли, всеми силами старается дать ей возможность реабилитироваться. В итоге Барбаре поручают вести дело об отравлении — настолько запутанное, что в успехе расследования сомневается даже сам Линли, хотя он и помогает Хейверс. Косвенные улики указывают на то, что преступление совершила крайне неприятная особа, которую многим хотелось бы увидеть за решеткой. Но сама она утверждает, что, напротив, является целью преступников и именно ее хотели отравить злобные недоброжелатели. И лишь по чистой случайности погибла невинная женщина, а она чудом избежала смерти...

Элизабет Джордж — выдающийся мастер детективного романа. Ее творчество завоевало признание читателей во всем мире, в том числе и в России. Ее книги издаются миллионными тиражами, становятся основой для телефильмов, получают престижные литературные премии.

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-87768-3

© Бушуев А.В., перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

За три года и три месяца до описываемых событий

Спиталфидлс, Лондон

Поездка в Марракеш была короткой, всего на уикенд, и Лили Фостер решила, что им хватит одного чемодана, причем небольшого. Что же с собой взять? Начиная с середины ноября в Лондоне прохладно, холодно и пасмурно, но в Северной Африке все будет иначе. Большую часть времени они будут нежиться в шезлонгах рядом с бассейном. Когда же они будут возвращаться к себе в номер, чтобы заняться там любовью, одежда им не понадобится вовсе.

На сборы ушло десять минут. Сандалии, шорты и футболка для Уильяма. Сандалии, летнее платье и парео для нее. Купальные костюмы для обоих, плюс еще несколько полезных вещей. Вот и всё.

Собрав чемодан, она принялась ждать, что, по идее, должно было продолжиться менее получаса — это подтвердил и ее взгляд на пластмассовые настенные часы над кухонной плитой. Увы, вместо тридцати минут ожидание растянулось более чем на два часа, в течение которых она посылала любимому эсэмэски и звонила, но ни разу не получила ответа.

Вернее, ответом ей был приятный голос автоответчика: «Это Уилл. Оставьте сообщение, и я вам перезвоню». На что она сказала: «Где ты, Уильям? Я думала, что у тебя дела только в Шордиче. И почему ты все еще там в такую мерзкую погоду? Перезвони, как только получишь это сообщение, хорошо?»

Потом Лили подошла к окну. С небес по-прежнему лило. Само небо было темным и злым, затянутым дождевыми тучами. Даже в хорошую погоду этот жилой массив не радовал глаз: унылые кирпичные многоэтажные коробки, как будто наугад разбросанные из пригоршни на плоском участке земли, растрескавшиеся тротуары, все в шишках и колдобинах... Неудивительно, что мест-

ные жители не замечают их в упор, предпочитая вытаптывать газоны.

В такую погоду, как сегодня, это место смотрелось, как смертельная ловушка, не оставляющая места даже лучику надежды. Они здесь чужие, и Фостер это знала. Здесь ей было плохо, но Уиллу — еще хуже. К сожалению, это единственное, что они сейчас могут себе позволить. Именно здесь им придется прожить какое-то время, пока ее бизнес не встанет на ноги, а бизнес Уильяма и он сам не обретут уверенность в завтрашнем дне.

Бизнес Уильяма. Это была щекотливая тема. Он постоянно спорил с клиентами, а людям, которые платят вам деньги, это не нравится.

— Ты обязан учитывать их мнение, — постоянно твердила ему Лили.

— Заказчики не должны мне мешать, — возражал он. — Я не могу сосредоточиться, когда они начинают от меня что-то требовать. Ну почему они это делают? Я же им все сразу объясняю!

Все правильно, подумала Фостер. Его манера общения с клиентами — это тоже часть проблемы. Ему давно пора ее пересмотреть.

Она хмуро посмотрела на улицу. Внизу, на тротуаре, не было ни души и, разумеется, никакого Уильяма. Хотя, по идее, в данный момент он мог бы выйти из машины и, подняв воротник, со всех ног броситься к узкой башне, в которой располагался лифт.

Вместо него Лили увидела женщину на балконе здания, стоящего под углом к их дому. Женщина снимала с веревки белье, и ее светло-желтое сари трепетало на ветру. Что касается остальных балконов с их унылым бельем, детскими игрушками и редкими горшками с чахлыми растениями, а также этими вечными тарелками спутникового телевидения, что бы на них ни находилось, все это было брошено на произвол судьбы и мокло под дождем.

А еще через стекло доносился нескончаемый городской шум: визг автомобильных шин на мокром асфальте, когда машины слишком быстро сворачивали за угол, лязг металла на соседней строительной площадке, где снова что-то строили и перестраивали... Все это было рядом, но из окна, в которое смотрела Фостер, ничего не было видно — был только слышен вой сирены «Скорой помощи», спешащей в больницу, и где-то совсем рядом — буханье басов из колонок включенной на всю мощь стереосистемы, дабы весь мир был в курсе музыкальных предпочтений ее владельца.

Лили отправила Уиллу очередное текстовое сообщение, а через пару минут, не получив ответа, позвонила ему еще раз.

— Уильям, — сказала она, — ты *должен был* получить мои сообщения. Если, конечно... Черт побери, неужели ты снова отключил звук? Ты же *знаешь*, я ненавижу, когда ты так делаешь. К тому же это очень важно. Я не хочу говорить, но... О, черт, черт, черт!.. Послушай. Я запланировала сюрприз на наш юбилей. Знаю, знаю, ты скажешь, что десять месяцев нельзя назвать юбилеем, но ты понимаешь, что я имею в виду, так что не тупи. В любом случае, этот сюрприз предполагает, что мы должны в определенное время кое-где быть, поэтому, если ты не отвечаешь мне лишь потому, что почему-то решил играть в молчанку, пожалуйста, перезвони!

После этого ей не оставалось ничего другого, как ждать. Между тем на часах одна минута неумолимо сменяла другую. Женщина попыталась убедить себя, что у них еще уйма времени и они успеют добраться до Стенстеда. Дело было за малым: чтобы Уильям вошел в дверь. Все остальное было готово. Паспорта уже лежали в ее сумочке, билеты были распечатаны, план путешествия в другую страну, пусть даже всего на уикенд, составлен.

Наверное, зря она ничего не сказала ему еще утром. С другой стороны, Уилл был расстроен тем, как идут его дела в Шордиче, и Фостер остереглась, не зная, как он отреагирует. Некоторые клиенты имели привычку вмешиваться в его работу. Даже когда у него возникала прекрасная идея, которая, как он знал, отлично впишется в их владения, они начинали указывать ему, пытались руководить его действиями, и это при том, что сами же наняли первоклассного специалиста. А Уильям Голдейкер, несомненно, им был. Знаток своего дела, визионер, художник и чернорабочий в одном лице. Дайте ему запущенный клочок земли, и он превратит его в райский сад.

К тому моменту, когда его старенькая «Фиеста», наконец, вышла из-за угла с Хинидж-стрит, Лили прождала его уже целых четыре часа. Поездка в Марракеш накрылась. Деньги выброшены на ветер. Они опоздали. Оставалось найти того, кто в этом виноват.

Где его носило? *Чем* он занимался? *Почему*, черт возьми, не брал трубку?! Потому что сделай он это раньше — это так *просто*, Уильям! — она бы рассказала ему о своих планах. Они могли бы встретиться в аэропорту. И сейчас с довольным видом сидели бы рядышком на борту гребаного самолета, который нес бы их к солнцу, океану и прочим приятным вещам.

Глядя, как он вылезает из машины, Фостер всячески взвинчивала себя. Она тщательно выбирала слова. «Черствый» и «без-

думный» возглавляли список. Но затем, когда Голдейкер проходил под уличным фонарем, женщина увидела его лицо. Она обратила внимание на его походку, когда он в вечерних сумерках шагал к лифту, на его понурые плечи. «Только не это!» — подумала Лили. Она знала, что произошло.

Уилл потерял клиента из Шордича. Это был уже второй случай за три месяца. Оба проекта закончились скандалом, гневными обвинениями. Это со стороны Уильяма. Со стороны заказчиков же было требование вернуть внушительный задаток, основная часть которого была уже потрачена на закупку всего необходимого.

Лили проводила его глазами, пока Уильям шел, ныряя из одного круга света уличных фонарей в другой. Потом он исчез из виду, и тогда она отнесла сумку в спальню и задвинула ее с глаз долой под кровать. К тому времени, как Фостер вернулась в гостиную, ключ Голдейкера уже поворачивался в замочной скважине. Когда же дверь открылась, она уже сидела на продавленном диване со смартфоном в руке, проверяя электронную почту. «Приятной поездки, дорогая!» — это послание матери не слишком подняло ей настроение.

Уильям увидел ее сразу — иначе и быть не могло по причине малого размера квартиры — и поспешил отвести глаза, но затем его взгляд вернулся к ней. От Лили не скрылось, как тот скользнул от ее лица к телефону.

— Извини, — произнес Голдейкер.

— Я посылала тебе сообщения, я звонила тебе, Уильям, — сказала Фостер.

— Знаю.

— Почему ты не отвечал?

— Я разбил телефон.

У него был с собой рюкзак, и в качестве доказательства своих слов он расстегнул его и вытряхнул содержимое на диван. В том числе и телефон, который Уилл протянул Лили. Действительно, разбит...

— Ты его машиной переехал или еще что-то? — спросила женщина.

— Разбил лопатой.

— Но...

— Ты все время... Не знаю, Лили. Я не мог ответить, а ты все время... Он все звонил и звонил, а тут на меня свалилось все это. Моя голова... она была готова лопнуть, треснуть, взорваться! Единственным доступным мне тогда способом заставить его замолчать было стукнуть по нему лопатой.

— А что, собственно, случилось?

Уильям не стал складывать вещи обратно в рюкзак, оставив их валяться на диване. Он прошел через всю комнату к креслу-качалке и сел. Лили впервые получила возможность разглядеть выражение его лица. Уилл моргал вдвое чаще обычного. Так бывало, когда все валилось у него из рук.

— Все хреново, — признался он.

— Что?

— Всё. Я. Работа. Всё на свете. Всё паршиво. Хуже некуда. Точка.

— То есть ты потерял клиентов в Шордиче?

— А ты как думаешь? Я ведь вечно что-то теряю! Ключи от машины, блокноты, рюкзак, клиентов... Тебя. Только не отрицай это, Лили. Я теряю тебя. Именно это — давай посмотрим правде в глаза — ты и хотела сказать мне, не так ли? Ты названивала мне, ты отправляла текстовые сообщения, требуя, чтобы я перезвонил тебе и чтобы ты могла сказать мне то же, что и все остальные. То есть послать подальше. Верно я говорю?

Теперь он моргал в три раза чаще обычного. Ему нужно было успокоиться. Фостер по собственному опыту знала: есть несколько способов утешить Голдейкера, если его начинало заносить слишком далеко. Поэтому она медленно заговорила:

— Я вообще-то собиралась свозить тебя в Марракеш. Нашла дешевый отель с бассейном и прочими прибабасами. Хотела сделать тебе сюрприз. А зря, мне следовало сказать тебе о нем сегодня утром — хотя бы о том, что я купила кое-куда билеты, — но в таком случае... Черт, как я не подумала! — Она закончила фразу довольно нескладно. — Просто мне казалось, что так будет приятнее.

— У нас нет денег на такие вещи.

— Моя мать дала мне в долг.

— Значит, теперь и твои родители знают, как все хреново? Знают, какой я лузер? Что ты им рассказала?

— Не им, а ей. Одной лишь матери. Я ничего ей не говорила, а она не спрашивала. Она не *такая*, Уильям. Она не лезет в мои дела.

«В отличие от твоей мамашки», — мысленно добавила женщина, но вслух говорить этого не стала.

И все-таки Уилл это понял. Его взгляд тотчас сделался колючим и пронзительным. Так обычно бывало, когда речь заходила о его матери.

Впрочем, он не стал развивать эту тему.

— Мне следовало с самого начала понять, что это самые настоящие мудаки, — сказал он. — Но я не понял. Почему я никогда не вижу истинную суть людей? Они заявляют, что хотят что-то особенное, и я могу дать им что-то особенное, что им непременно понравится, если только они не станут мне мешать. Но нет, покажи им чертежи и эскизы, чтобы они дали на них «добро», и каждый день подавай отчет за каждый потраченный пенс! Я не могу так работать.

Он встал и подошел к тому самому окну, глядя в которое Лили провела почти целый день. Она не знала, что ему сказать. Но сказать ей хотелось следующее: *если* он не может работать под чьим-то контролем, *если* он способен работать только в одиночку, ему все равно придется научиться ладить с людьми, потому что *если* он этому не научится, он снова и снова, раз за разом, будет наступать на одни и те же грабли.

Ей хотелось сказать ему, что он не умеет находить с людьми общий язык, что никто — пусть он даже не надеется — не будет отдавать в его распоряжение свой сад или даже часть сада, чтобы Уилл преобразил его сообразно своему творческому импульсу. «Что, если людям не понравится твоя задумка?» — хотела спросить Фостер. Но ведь она говорила это и раньше, и уже не раз спрашивала его об этом, и они снова вернулись к тому же, к чему возвращались уже не раз.

— Это все Лондон, — неожиданно произнес дизайнер, повернувшись к оконному стеклу.

— Что Лондон?

— То, что Лондон — причина всему. Здешние жители... они другие. Они не понимают меня, а я не понимаю их. Мне лучше уехать отсюда. Это единственный ответ, потому что я не собираюсь больше жить за твой счет.

Уилл повернулся к Лили. На его лице было то самое выражение, которое появлялось, когда клиенты задавали дурацкие, как ему казалось, вопросы. И оно сигнализировало, что он уже принял решение. Лили поняла: сейчас она узнает, какое именно.

— Дорсет, — произнес Голдейкер.

— Что Дорсет?

— Мне нужно вернуться домой.

— Твой дом здесь.

— Ты знаешь, что я имею в виду. Я весь день думал и принял решение. Я возвращаюсь в Дорсет. Я начну все сначала.

Она вытащила его из дома, несмотря на дождь. Предложила сходить в «Гордость Спиталфилдс». Это было недалеко. Гастрономический паб с интерьером в кремовых тонах и темно-синими, набрякшими от дождя маркизами. Зато внутри подавали приличный сидр, а где-нибудь в уголке всегда можно было найти пару свободных столиков. Уилл поначалу упирался: «Я не могу себе это позволить, Лили, и не хочу, чтобы за меня платили, даже ты!»

Она сказала ему, что это деньги ее матери, предназначенные для трат в Марокко, и поэтому какая разница, когда у них все общее, правда?

— Это... это некрасиво, — произнес художник, и это его слово наводило на мысль, что за каждым решением, принятым им после того, как он лишился клиентов, так или иначе стоит его мамочка — от разбитого телефона до заявления о возвращении в Дорсет.

Терпение Лили, похоже, находилось на исходе, и она была бесильна что-либо с этим поделать.

— Ты ведь разговаривал с нею, не так ли? — спросила она. — Ты рассказал ей прежде, чем сообщил мне. *Почему* ты так поступил?

— Дело не в моей матери, — сказал Уильям.

— Дело всегда в ней, — возразила Фостер и шагнула в «Гордость Спиталфилдс».

Она была так зла на Уилла, что ей даже было безразлично, войдет он следом за ней или нет. Но он вошел. Они сели за единственный свободный столик рядом с дверью в женский туалет, откуда им в лицо — всякий раз, когда кто-то входил или выходил из него — бил слепящий флуоресцентный свет. Играла музыка.

Айпод или айфон был присоединен к чему-то явно спутниковому, потому что звучали исключительно старые хиты в стиле «кантри-энд-вестерн». Главным образом это были песни Джонни Кэша, разбавленные вещицами Вилли Нельсона, Пэтси Клайн, Гарта Брукса, Рэнди Трэвиса и группы «Джаддс».

— Ты не ответил мне, Уильям, — сказала Лили.

Голдейкер огляделся по сторонам, затем снова посмотрел на нее.

— Неправда, я сказал тебе, что... — начал было он.

— Ты пытался сбить меня с толку, вот что ты делал, — перебила его Лили. — Так что давай вернемся в самое начало. Ты говорил со своей матерью. О том, что случилось, ты сначала рассказал ей, и лишь потом — мне.

— Я же сказал, дело не в моей матери.

— Дай я угадаю, о чем был ваш разговор. Она велела тебе вернуться домой в Дорсет. Она убедила тебя, что там можно «начать сначала». Пообещала поддержку и помощь — свою плюс твоего отчима. Когда же ты навсегда оторвешься от них?

— Я не собираюсь жить с матерью. Во всяком случае, постоянно. Лишь до тех пор, пока не встану на ноги. Так будет лучше.

— Боже, я как будто слышу ее голос! — раздраженно бросила Лили.

— Я думаю про Шерборн, — сказал Уильям. — Или Сомерсет. Может, Йовил, потому что там дешевле жить, но работу проще найти в Шерборне. Там есть деньги. Даже мама говорит...

— Я не хочу слышать о том, что говорит твоя мать.

— Это Лондон, Лили. Это попытка хоть как-то зацепиться в Лондоне.

— У меня есть свое дело. И я не жалею.

— Татуировки, верно. Но ведь это, в конце концов, Лондон. А вот то, чем пытаюсь заниматься я... тем, что я люблю и умею, здесь... Здесь, в Лондоне, люди не воспринимают меня так, как мне нужно. Ты сама сказала: это идеальное место, где можно оставаться анонимным, но если кому-то нужно нечто большее, чем анонимность, этого не произойдет. Я слышал, как ты это говорила. Мне здесь неуютно. Я терпел это лишь потому, что со мною была ты.

Лили посмотрела в сторону бара и раздраженно подумала о том, каким модным стал в последнее время Спиталфилдс. А все Лондонский Сити, что тихой сапой проникает сюда, возводя одну за другой уродливые стеклянные башни. Даже здесь — подумать только, всего в двух шагах от узеньких улочек Уайтчепела, где Джек Потрошитель когда-то охотился за своими жертвами! — полным-полно молодых женщин в узких офисных юбках и молодых мужчин в деловых костюмах, заигрывающих друг с другом, потягивая из бокалов белое вино.

Белое вино, причем здесь, в Ист-Энде! Вот он, знак того, что ничто не стоит на месте, что прогресс беспощаден и что словосочетание «идти путем прогресса» применимо не только к обществу, экономике, науке и всему прочему, но также и к людям. Лили же была ненавистна сама идея постоянных изменений, к которым приходится вечно приспосабливаться. Впрочем, знала она и то, что бороться с этим бесполезно.

— Так, значит, все? — спросила она.

— Ты о чем?

— О нас с тобой. О ком же еще?

Уилл потянулся через стол к ее руке. Его ладонь, накрывшая ее сжатую в кулак руку, была влажной.

— Ты тоже можешь переехать в Дорсет. Можешь открыть там салон, — предложил он. — Я уже разговаривал с...

— Да. Верно. Со своей мамочкой. И она заверила тебя, что этот ваш Дорсет позарез нуждается в моих татуировках.

— Вообще-то... да, коли на то пошло. Ты предвзято к ней относишься, Лил. Она не меньше, чем я, хочет, чтобы ты тоже переехала туда...

Декабрь, 14-е

Спиталфилдс, Лондон

Уилл не ожидал, что Лили съедет с квартиры первой. Если честно, он надеялся, что она останется с ним — этакое постоянное присутствие в его жизни, — пока сам он не соберет вещи и не уедет. Но нет, через два дня она съехала, бросив его одного на четыре дня, пока мать с отчимом не приехали на хлебном фургоне, чтобы забрать в Дорсет вещи, не поместившиеся в его «Фиесту».

Четыре дня одиночества стали для него сушей пыткой. Уилл остался наедине с собственной головой. В голове же у него обитали голоса.

Они сообщали ему о том, что он и без того уже знал: что он профукал возможность жить с Лили. Что в очередной раз доказал, какой он лузер. Что он жалкий дрыч и урод с самого первого дня, как появился на свет. *Не веришь? Иди, взгляни на себя в зеркало, Уилл!* Что он и сделал. Вошел в ванную, посмотрелся в зеркало и увидел в отражении то, что ненавидел в самом себе.

Смехотворный рост. *Ты кто, карлик?* Деформированное правое ухо. *Твой отец пластический хирург; он, что, не может, на фиг, сделать тебе операцию?* Густые брови, нависшие над глазами. *Ты, что, под гориллу загримировался, чувак?* Губки бантиком, словно у купидона, придававшие лицу кукольное выражение...

Да ты страшен, как моя жизнь, чувак. Можно подумать, она этого не замечала? Как будто она слепая... Да ни фиги! Ты дал ей повод, и она им воспользовалась, чувак, и кто осудит ее за это?

Как ты думаешь, сколько ей потребуется времени, чтобы раздвинуть ноги перед кем-то другим? Причем кто-то другой сделает это так, как надо. Никаких отговорок, никаких пиллюль, ника-

кого яростного бум-бум-бум за десять секунд, никакого «извини, так получилось». Настоящий перепихон, на какой ты — давай посмотрим правде в глаза — никогда не был способен.

Уилл позвонил бабуле — в надежде отвлечься от того, что творилось в его голове. Но стоило ему признаться ей, что он возвращается в Дорсет, как она сказала своим резким, прокуренным голосом старой колумбийки:

— Не будь дураком, Гильермо. Этот твой план... Ты совершаешь ошибку. Ты уже говорил с Карлосом? Он скажет тебе то же самое.

Но какой смысл разговаривать с Чарли? У брата своя, сказочная жизнь, во всех отношениях полная противоположность его собственной.

«— Дорсет? — переспросит Чарли. — Да ну его на фиг, Уилл! Не надо тебе ни в какой Дорсет. Ты видишь в ней *решение* проблемы, ты, идиот, а ведь она вот уже двадцать пять лет и есть твоя главная проблема».

Брат никогда не поверит в то, во что не поверила бабушка, во что не смогла поверить Лили, и в этом-то и была вся загвоздка. Каролина Голдейкер не горела желанием видеть сына дома постоянно. Впрочем, не горел им и он сам.

— Это временное решение, Уилл. Надеюсь, ты это понимаешь, не так ли? — сказала она ему по телефону.

Мать не позволила ему строить никаких планов, пока он не согласился: пару-тройку недель, чтобы прийти в себя, а потом попытаться заново начать свой бизнес. Уилл думал про Шерборн. Да-да, пусть это будет Шерборн.

А пока ему придется подождать в Лондоне, сказала мать — до тех пор, пока она и его отчим не смогут приехать за ним. По воскресеньям пекарня не работала, так что они приедут в Лондон в воскресенье. К этому времени он придет в себя, верно? Уильям сказал, что постарается. А потом съехала Лили.

Вскоре после этого у него двинулась крыша, и голоса в голове затараторили без устали. Через сутки он позвонил матери и спросил, можно ли ему приехать раньше, до воскресенья? Он привезет кое-какие вещи в своей «Фиесте», а затем, в воскресенье, съездит обратно, уже вместе с ними, и заберет остальные.

— Не глупи, дорогой, — ласково ответила Каролина. — Неужели нельзя потерпеть до воскресенья? Ведь можно? — И, не получив ответа, она осторожно поинтересовалась: — Скажи, Уилл ты принимаешь лекарства?

Он ответил, что да, принимает, и не стал говорить, что Лили ушла. Не хватало еще, чтобы мать узрела связь между первым и вторым — лекарствами и Лили! Лучше не стоит.

Четыре дня тянулись, как тягучая ириска. Не нашлось ничего, что отвлекло бы его от мыслей о том, кем он был. В тот день, когда приехала мать, Уилл нервно расхаживал по комнате и легонько ударял себя по лбу. Когда же приблизился час ее приезда, он ждал у окна, как брошенный хозяином пес.

Вскоре дизайнер увидел, что на улицу въехал фургон. Увидел, как из кабины вылезла мать, чтобы, как обычно, помочь отчиму заехать на автостоянку.

Взмахами рук она показывала, куда ему ехать, а затем подошла к окну водительского сиденья и что-то сказала. Потом последовали еще несколько взмахов. В конце концов старина Алистер сумел-таки припарковать фургон, не задев при этом соседние машины.

Наблюдая за всем этим балетом, Уилл почувствовал, как в нем поднимает голову Это. Он попытался его подавить. Быстро заморгал, в два раза чаще обычного, и откуда-то изнутри, из некоего места, которое ему никак не удавалось обуздать, с клетотом вырвались слова.

— Сраный десант прибыл, — произнес он и прижал ладонь ко рту. Веки его продолжали плясать, как безумные. — Сраный ублюжий дождь с градом.

Он отступил от окна и попытался придушить эти мерзкие слова. Но они упрямо слетали с его губ, извергаясь наружу, как злобная жижа из забитой канализации.

— Сука — тварь — ублюдок — хватит вые... тья!

Звякнул дверной звонок. Голдейкер подошел к домофону и открыл входную дверь, давая гостям возможность вызвать лифт. Затем с силой ударил себя, но не почувствовал боли.

— Сраная тачка веселых долбое... в Робин Гуда! — вырвалось у него.

Распахнув дверь, он быстро отошел в другой конец комнаты, а затем поднес запястье ко рту и впился в него зубами.

Послышались их голоса, нежный — матери и с хрипотцой — Алистера. Он услышал, как мать сказала:

— Все будет хорошо.

Через несколько секунд они вошли к нему в квартиру.

Каролина заговорила первой, озабоченная тем, что сын открыл им дверь подъезда, даже не спросив, кто это.